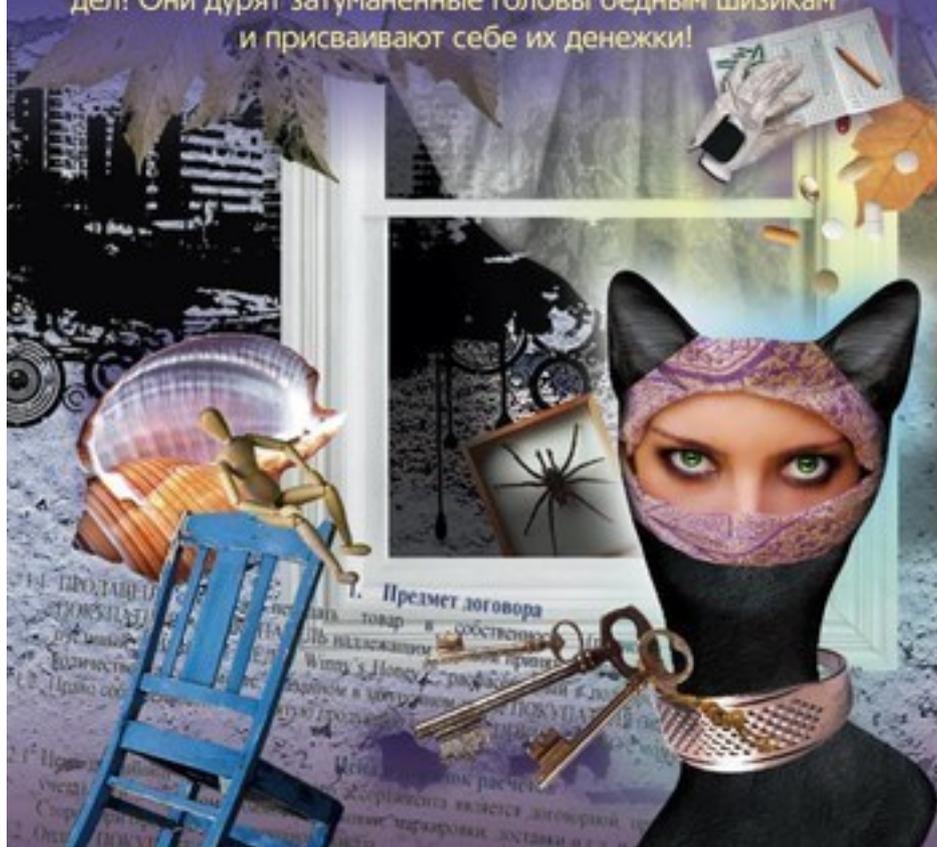

НАТАЛЬЯ ПЕРФИЛОВА

NEW КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

КАПКАН ДЛЯ ГЛУПОЙ КОШКИ

Да я сама подписала ему доверенность на ведение моих дел! Они дурят затуманенные головы бедным шизикам и присваивают себе их денежки!

Наталья Перфилова
Капкан для глупой кошки

«Центрполиграф»

2011

Перфилова Н.

Капкан для глупой кошки / Н. Перфилова — «Центрполиграф», 2011

Любого сюрприза ожидала Яна от своей закадычной подруги, но это уж слишком! Если б она завела в ванной крокодила или приютила в собственной квартире целый табор цыган – это Яна с трудом, но смогла бы понять. Но чтобы Маринка по доброй воле вдруг решила бросить обожаемого супруга, продать квартиру, раздарить дорожные шмотки от кутюр и перебраться в богом забытую деревню на постоянное место жительства – никак не укладывалось в голове Яны. Неужели Маринка вот так неожиданно сошла с ума? И что делают в таких случаях? Вызывают скорую? Бегут в церковь ставить свечки за здоровье? А может, стоит просто-напросто обратиться в милицию?..

© Перфилова Н., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Перфилова

Капкан для глупой кошки

Глава 1

– Марин, ты вообще соображаешь, что делаешь? – вздохнула Яна, скептически посмотрев на понуро опустившую голову подругу. – Лично я не понимаю, с чего вдруг такая дикая идея – бросить мужа?!

– Да, я понимаю... – уныло отозвалась Марина, – наверное, это выглядит странно... Но я теперь отчетливо поняла, что жить по-прежнему больше не могу. Так врать надоело, просто сил нет...

– Обалдеть! Но ведь не бывает же вот так вот вдруг, ни с чего... Слушай, может, у тебя какие-то неприятности, Марин? Так ты расскажи, сообразим что-нибудь, а?

– Да нет... – немного поразмыслив, спокойно отозвалась собеседница. – Ничего такого особенного не случилось. Просто я много думала... Я ведь не сегодня все решила, Ян. Мы с тобой не очень часто стали видеться последнее время, но я ведь все равно считаю тебя лучшей подругой... вернее даже, единственной настоящей подругой. Вот и надумала зайти, поговорить, планами поделиться, посоветоваться...

Яна с досадой закусила губу. Подруга права, видеться они стали чертовски редко. Дай бог раз в месяц, а то и в два. Раньше-то и дня не могли друг без друга прожить. Если встретиться не удавалось, созванивались и болтали по телефону часа по полтора. А последнее время все так завертелось, закрутилось, времени на общение почти нет... Хотя зачем самой себе-то врать... Время тут ни при чем. Просто после того, как между лучшими подругами встал мужчина, как будто черная кошка между ними пробежала. Они не рассорились, нет, но теплота и искренность внезапно пропали. Яна немного ревновала Мишу к Маринке, ведь когда-то он спал с ней, ну и Марина в свою очередь, вероятно, обижалась на подругу, к которой переметнулся бывший любовник. И хоть Марине в общем-то на Михаила было плевать, о нем она даже и не вспоминала, но Янин поступок ей не понравился. Прошло время, обиды вроде бы стерлись, но в дружбе что-то сломалось, нарушилось, исчезло... возможно даже, навсегда.

И вот теперь Марина сидит на Яниной кухне совершенно чужая и на полном серьезе просит совета, как в кратчайшие сроки развестись с мужем. В Яниной голове это просто не укладывалось.

Конечно, если посмотреть со стороны, то в пользу развода было много всего. Начать с того, что Марина никогда не была верна Олегу. Несмотря на это, мужа она горячо любила, больше всего на свете боялась его потерять и совершенно не представляла жизни без этого человека. И вдруг теперь Марина без всяких видимых причин всеми средствами пытается ускорить развод. Такая вот шарада...

– Ты хочешь выйти за другого? – Яна все еще пыталась найти разумное объяснение происходящему.

– Нет, ну что ты!

– Но у тебя есть кто-то? Олег узнал?

– Представь себе, нет. – Марина выглядела на удивление спокойно. – Последнее время меня волнуют совсем другие вещи. Я больше не интересуюсь посторонними мужчинами. Кроме мужа, мне никто не нужен. Только сейчас осознала, как подло поступала по отношению к нему. Олег не заслуживает такого. Я должна освободить его. Я не достойна...

– Заканчивай бредить, – перебила Яна. – Что случилось?

– Ты не хочешь понять, я просто изменилась, – терпеливо и размеренно вещала Марина. – Оставить мужа – единственный шанс искупить свою вину перед ним...

– Дурдом какой-то... – Яна изо всех сил старалась не раздражаться. – Так. Хорошо... А на что ты собираешься жить? Извини за бестактность.

– Работать буду, – спокойно ответила подруга с совершенно серьезным выражением лица.

– Кем?! Ты же ничего не умеешь!

– Я уже все продумала. Есть люди, которые помогут мне. – По ее уверенному тону Яна поняла – она действительно взвесила все варианты.

– Какие люди, Марина? Может, лучше «искупить свою вину» перед мужем, заботясь о нем, забросив всех остальных и посвятив себя целиком семье? Если уж дело действительно в этом. Олег любит тебя. Бросив его, да еще по таким бредовым причинам, ты не сделаешь ничего хорошего. Ты же знаешь: все, что он делает, – это для тебя. Ты убьешь его, лишишь стержня, цели, ради которой он трудится и живет. Ты думаешь, Олег не понимает, что ты не идеал жены? У него глаза где надо и мозги тоже на месте. Но, несмотря на это, он любит тебя такой, какая ты есть. Значит, нужна ему именно такая женщина, с твоими недостатками и достоинствами. Именно такая! С другой он счастлив не будет. Как ты не понимаешь?!

Яна говорила и видела, что ее слова не доходят до подруги. Марина замкнулась в себе и ничего не желает понимать. Ее всегда задорное личико сейчас выглядело поразительно серьезным и сосредоточенным. Яна не сразу поняла, почему вид подруги сразу насторожил ее и вызвал смутное беспокойство. Все дело в одежде. Марина была одета аккуратно, элегантно даже, но в стиле совершенно ей несвойственном. Яркие краски, броский макияж, раскованные манеры – представить Марину как-то иначе казалось просто невозможным. То, что Яна видела сейчас, должно быть вызвано из ряда вон выходящими причинами. Достучаться до них она и пыталась в течение вот уже целого часа.

– Ты не ударила головой в последнее время? – Яна попыталась шуткой разрядить обстановку.

Реакция Марины показалась тоже ненормальной. Она обиделась, хоть и пыталась это скрыть.

– Я знала, ты всегда воспринимала меня как дурочку, ничего не умеющую, глупую и безответственную. Все так думали. Мне надоело! Я не глупее других, могу работать наравне со всеми! Я докажу! Тамара одна разглядела во мне человека, а не куклу с фарфоровой головой... – В голосе девушки появились истерические ноты, да и слова больше напоминали бред, чем речь здорового человека.

– Какая Тамара? Что она разглядела? – пыталась пробиться Яна сквозь нервные выкрики Марины. – Что мешает тебе трудиться и быть нравственным человеком, оставаясь замужем? Я не понимаю.

– Зря я пришла, наверное... Соскучилась. Моя жизнь очень изменилась в последнее время. Я стала спокойнее, счастливее. Не представляю, как я могла жить раньше, ни к чему не стремясь. Растения и то к свету тянутся. И все же иной раз вспоминаю наши вечеринки. Что-то в них тоже было такое, особенное...

Больше, чем слова, Яну поразило настроение Марины, как быстро она возбудилась и неожиданно успокоилась, вроде и не она только что истерически выкрикивала бессмысленные фразы... Поразительно. Яне стало стыдно, что за столько времени даже ни разу не поинтересовалась, как живет лучшая подруга, чем занимается. Короткие телефонные разговоры заменили общение... Конечно, что душой кривить, Яну многое в характере и поведении Марины не устраивало, порой коробило даже... Но все-таки она была привязана к подруге... Да что значит «была»? Яна и сейчас любила свою взбалмошную Маринку... Просто ей как-то неловко было, будто нарочно воспользовалась обстановкой и увела ее жениха... Впрочем, какой может быть жених, при живом-то муже?

Миша так часто твердил Яне о своих чувствах, что в конце концов она поверила. Он любил ее всей душой, а Марина была уже пройденным этапом. Да Яна и сама уже тогда втрескалась в него по самые уши... Нет! Ну, если бы она знала, что Маринке этот человек дорог и необходим, тогда совсем другое дело! Но ведь та сама не раз повторяла, что Миша для нее один из многих, очередной сексуальный партнер, и не более того... И все же встречаться им втроем было как-то неловко. Нет, Марина никаких претензий не высказывала... Ну разве что чуть-чуть... Но отношения стали слегка натянутыми, пропала непринужденность...

Если бы Яна знала, что подруга нуждается в поддержке, она непременно заехала бы, поговорила. Но Марина в последнее время совсем не напоминала о себе, даже по телефону заставить ее было непросто. Может, ей давно стоит обратиться к психиатру?

– Послушай, а Олег-то как относится к этой твоей идее?

– Он пока не в курсе...

– Ты что, с дуба рухнула?! Как это можно? – История все больше напоминала театр абсурда.

– Он уехал в командировку, на два месяца почти... Я думаю, к его возвращению все будет закончено. Ему останется поставить подпись, и все. Так легче будет. Всю тяжесть этой проблемы я постаралась взять на свои плечи, даже нашла размен квартиры. Сейчас занимаюсь упаковкой вещей. Олег вернется, можно будет все оформить и разъехаться в течение одного-двух дней.

– К чему такая спешка? Мариночка, скажи, у тебя все в порядке? Может, ты больна? Не хочешь никого травмировать? Ну скажи же, ради бога!

– Да нет, ничего такого страшного. Просто я боюсь, если он начнет уговаривать, я могу не устоять. Я еще недостаточно крепка в своих убеждениях. Это придет, конечно, а пока мне помогут, – печально призналась Марина. Пожалуй, это были первые человеческие эмоции, мелькнувшие у нее с самого начала разговора.

– В каких убеждениях? Кто поможет? Объясни, ради бога!

– Хорошо, я попытаюсь... Но, боюсь, ты не сможешь так вот сразу понять...

– Слушай, не тяни. Вроде не глупее тебя, попробую вникнуть.

– Понимаешь, каждый из нас рождается и живет не просто так...

Хлопок входной двери неожиданно прервал беседу.

* * *

– Любовь моя, я соскучился и зверски проголодался. Могу съесть тебя, если ты немедленно не покормишь своего дорогого мужа... О! Да ты не одна. Ну что же, люблю отобедать в обществе прекрасных дам. – В комнате совершенно неожиданно возник Миша. – Но предупреждаю: постных лиц не потерплю! У меня чудное настроение, я даже Дизеля поцеловал на радостях. Не верите?

– Верим, верим... Поцеловать собаку раньше, чем любимую девушку! Чего еще от тебя можно ожидать... – проворчала Яна. – Иди мой руки. Обед давно готов.

Приход бывшего любовника заметно выбил Марину из колеи. Она замолчала и стала нервно теревить сумку.

– Напрасно я пришла, – произнесла она, как только Михаил ушел в ванную. – Я лучше пойду. В другой раз поговорим, не обижайся, ладно? Отвыкла я как-то от шумного общества. Да и настроение не то. Извини.

Яна не успела возразить или как-то удержать ее, Марина торопливо выскочила за дверь, оставив подругу в глубоком недоумении. Яна так и сидела, пока Миша не вывел ее из задумчивости поцелуем в макушку.

– Где подружка? Быстро чего-то улетела. Меня испугалась?

– Мне кажется, с ней не все в порядке. Не пойму что, но не нравится мне ее состояние...
– Да брось, она всю жизнь была ненормальной. Все глупости к ней липнут намертво. Что на этот раз отмочила?

– С Олегом разводиться надумала.

– Да... это серьезно, – присвистнул Корчагин. Но потом усмехнулся: – Может, от скуки мается? Перебесится да и успокоится.

– Если бы. Что-то с ней не то. Сломалась как будто... Не знаю, как объяснить, но вижу – серьезное дело.

– Да уж серьезное. Я уже умер почти от недоедания, а ты совершенно безразлична к моему здоровью. Такое отношение начинает всерьез беспокоить, дорогая.

Мужчины всегда легко относятся к душевным переживаниям. Может, Миша был прав, не принимая близко к сердцу Маринины проблемы. Завтра у нее изменится настроение, купит новую блузку или помаду, и мир покажется совсем не таким уж плохим и унылым...

Не прошло и пятнадцати минут, как Яна, к своему стыду, тоже забыла напрочь о проблемах подруги. Немного заполнив желудок, Миша рассказал ей о новом клиенте, обратившемся в агентство.

– Собирайся. Поедем сейчас в контору. Я на два тридцать договорился о встрече. Тебе обязательно надо быть. Бумаги оформишь. Запишешь все, как положено. Ну, ты сама знаешь.

– А в чем там дело? Опять наследство?

– Нет. Криминал какой-то. Мелкий, правда. Девушка так волновалась, что я по телефону уловил только то, что она готова нам заплатить приличные бабки, если мы сможем разобраться в небольшом, но крайне запутанном происшествии... Я даже в суть не въехал. То ли кто-то умер, то ли свихнулся...

– Ничего себе мелочь! – присвистнула Яна. – Не люблю иметь дело с трупами. Мне прошлого раза за глаза хватило. Нет уж, пусть лучше неверные мужья, наследство...

– Скукотища все это, – зевнул Миша. – Чем такой ерундой заниматься, лучше уж я на прежнюю работу вернусь, меня шеф до сих пор уговаривает...

– Ой! Вот только шантажировать меня не стоит. Хочется острых ощущений? Убийства тебе подавай. Желательно с расчлененкой... Так, что ли? Скучно ему, видишь ли... – Яна ворчала просто так, из чувства противоречия. Она и сама хотела попробовать свои силы в раскрытии настоящего преступления, но, как и всякая женщина, слегка трусила.

– Ну, чего ты завелась-то? – примирительно отозвался Корчагин. – Еще даже не знаешь, о чем речь, а уже на меня по полной программе наезжаешь... Сейчас клиентка сама все расскажет. Умерь любопытство и беги прихорашивайся. Времени почти нет.

Работу свою Яна любила. Раньше, трудясь в библиотеке, она прочитала уйму литературы, но главной и трепетной любовью девушки были детективы. Правда, не все. Стрельбу, мордобой, суперменов Яна не особо жаловала, предпочитая те, где описаны нормальные следователи без пушек в пуговице и фотоаппарата в ботинке. Обычные человеческие отношения между героями. Желательно бы еще и любовь с романтикой... но это не обязательно. Главное – лихо закрученный детективный сюжет.

Год назад, заработав приличные деньги на раскрытии одного очень сложного и запутанного дела, в которое оказались втянуты совершенно случайно, Яна с Мишей и Антон Скворцов поверили в свои сыщицкие таланты и решили открыть частное сыскное агентство «Надежда». Корчагина поставили главным. На его имя оформлено помещение, лицензия и даже оружие. Яна – бухгалтер-делопроизводитель и секретарь в одном лице. Антон работает без отрыва от основной своей должности в местном отделении милиции, что частенько помогает в расследованиях. Правда, с друзьями в агентстве он теперь засиживается не долго. Его жена Раечка недавно родила двух очаровательных карапузов, и теперь все свободное время бравого капитана безраздельно принадлежит семье. А вообще, когда нужно, в агентстве все делают то, что

умеют, и то, что требуется в данный момент, не ссылаясь на служебное положение. Иногда, особенно в тех случаях, когда требуется научное мышление и детальный анализ происходящих событий, к расследованию привлекается тяжелая артиллерия в лице Яниного бывшего мужа Игоря. Нужно отметить, что Корчагин к этому относится крайне негативно. Несмотря на то что Яна с Игорем в разводе уже более двух лет, он до сих пор ревнует любимую к прошлой семейной жизни. Но все же, признавая бесспорные аналитические способности Игоря, которых самому Михаилу подчас не хватает, серьезно возражать против сотрудничества с ним не решается. К слову сказать, ревность Корчагина Яне льстит, как женщине, но вряд ли имеет под собой основание. Если уж Яна и решилась расстаться с мужем после восьми лет совместной жизни, значит, имела на это весьма веские причины. И вряд ли эти причины смогли исчезнуть за какой-то там год или два. Только мужчина может не понимать столь очевидных вещей...

Но вернемся к агентству. Вкладывая в него деньги, доставшиеся не так уж легко, друзья надеялись разнообразить свою жизнь, сделать более насыщенной и интересной, ну и заработать, конечно. Пока они своим выбором довольны. Частное агентство оказалось хоть и хлопотным, но довольно увлекательным делом. Преступлений сыщики к сегодняшнему дню раскрыли немного, в основном мелочовку всякую, поэтому новое дело всерьез их заинтересовало.

Глава 2

За четверть часа до назначенного времени Яна с Михаилом чинно заняли рабочие места и полностью были готовы к встрече с клиенткой. Ею оказалась девушка лет двадцати или двадцати двух, приятной внешности. На лице ее явно читалась растерянность и какое-то чисто детское смущение.

– Здравствуйте, меня зовут Янина Михайлова. – Яна ободряюще улыбнулась и приветливо кивнула.

– Ольга Петровна Мазурова... – Посетительница опустилась на стул, на самый краешек и нервно вцепилась в ручку маленькой дамской сумочки, так что даже пальцы побелели.

– Мне кажется, вы слишком нервничаете, Ольга Петровна. Напрасно. Успокойтесь и расскажите мне о вашей проблеме. Уверяю, мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам решить ее. – Яна говорила это автоматически. Заранее заготовленные слова, которыми в агентстве встречают практически каждого посетителя. Клиенты всегда жутко нервничают, беспокоятся, потеют и краснеют до тех пор, пока не выскажутся полностью. Как ни странно, но после этого руки их перестают дрожать, лица разглаживаются, глаза теплеют. Видимо, выговорившись, а главное, заплатив деньги, они начинают верить, что теперь агентство несет ответственность за их проблемы и можно с чистой совестью заняться другими неотложными делами.

– Видите ли, я не уверена, что проблема вообще существует... Мне неудобно отвлекать вас по пустякам... Но я не сплю все последние ночи, а вдруг это правда... Я не знаю...

– Раз вы не спите, значит, проблема уже существует. А если это так, то тем более поделитесь со мной. Мы поговорим, и, возможно, уже сегодня ночью вы будете видеть прекрасные сны. Ну, решайтесь же.

– Наверное... Да, вы правы, конечно, правы. – Девушка решительно тряхнула кудряшками. – Надо раз и навсегда покончить с сомнениями. Если это бред, тем лучше. Тем лучше, да... Дело в том, что пять дней назад у меня умерла бабушка. Ей было семьдесят лет, так что событие это, как сказали мне в милиции, прискорбное, но закономерное. Только умерла она не от старости, бабушка выбросилась в окно. Кстати, это тоже объяснили старостью. Вернее, старческим маразмом. В квартире к моему приходу были все признаки того, что бабушка добровольно, без чьей-либо помощи, ушла из жизни. Дверь закрыта, даже заперта на два поворота ключа, ничего не украдено, в квартире абсолютный порядок. К подоконнику, где все и случилось, приставлен табурет. Дело в том, что дом у бабушки старинный, с огромными потолками, и окна расположены высоко, без табурета на подоконник не залезешь... Короче говоря, милиция даже дело заводить не стала – по их мнению, все ясно как день... Да еще соседки подтвердили, что в последнее время у нее была мания преследования.

– На первый взгляд все логично, – осторожно заметила Яна. – А почему вас эта ситуация так беспокоит? Что, по вашему мнению, здесь не так?

– Да все! Все не так! У бабушки никого, кроме меня, нет. Вернее сказать, не было... Я живу одна, но ежедневно навещала ее, приносила продукты, убиралась. По правде сказать, она все это делать могла и сама, для своих лет бабуля была в отличной форме, но мне нравилось с ней беседовать, пить чай, заботиться о ней, она была на редкость интересным человеком с абсолютно трезвым рассудком. Да и потом, для меня она тоже единственный родной человек... Так вот, я утверждаю, что она не могла покончить с собой по причине старческого маразма, да и других причин для этого у нее не было.

– Ольга Петровна, а что имели в виду соседи, говоря о мании преследования, появившейся у вашей бабушки незадолго до смерти?

– Знаете, это странная история. Сказать, что это неправда, я не могу... Около двух месяцев назад бабуля на полном серьезе стала утверждать, что ее хотят убить. Путем отравления.

И еще якобы кто-то всеми силами ежедневно дуриет ей голову и пытается внушить, что «у Анфисы Егоровны потекла крыша» – это она сама так выражалась, смотря с утра до вечера телевизор, она любила высказываться «по-модному». Меня это, честно сказать, обижало, ведь все продукты приносила ей я. Меня бабушка, конечно, не подозревала. Но постоянно требовала сменить магазин. По ее словам, яд, вызывающий головокружение, рвоту, сонливость, постоянно попадался ей в разных продуктах: и в колбасе, и в сметане, и в пирожках – да в чем угодно. Она сама понимала абсурдность своих заявлений, но в своей правоте не сомневалась. Честно скажу, я поверила ей. Взяв заварку и еще кое-какие продукты, в которых, по ее словам, присутствовал яд, я отнесла их на экспертизу. Один мой друг, химик, помог мне в этом. Ничего лишнего ни в одном из продуктов не обнаружилось. Бабушку это не успокоило. Оставаясь совершенно нормальной в остальных вопросах, она упорно твердила, что ее хотят отравить. Прекратилось это лишь тогда, когда я, дабы успокоить старушку, стала обедать вместе с ней. Правда, здесь случилось небольшое недоразумение... В первый же наш совместный обед я сильно отравилась, испытав именно те симптомы, о которых говорила бабуля, и даже больше. У нее дальше головокружения, сонливости и головной боли не шло, я же болела по полной программе с поносом, рвотой и дикими резами в животе. Вначале я даже испугалась, но все же, думаю, произошло совпадение и в этот день я купила действительно испорченный продукт. Парень, с которым я встречаюсь, химик, я уже говорила, он провел анализ крови. Что со мной было, он, конечно, не определил, не врач все же, но химии никакой не обнаружил. То же подтвердили и в поликлинике. Чтобы совсем уж не выбить бабушку из колеи, я не стала ей ничего рассказывать, продолжала с ней обедать. С этого дня эпопея с ядом закончилась, казалось, бабуля забыла о своих подозрениях.

– Я так понимаю, Ольга Петровна, что на этом все не закончилось. Вы говорили, что Анфиса Егоровна на кого-то жаловалась...

– В том-то и дело, дальше стало еще страннее. Только мы распростились с отравлениями, как бабушка стала утверждать еще более невероятные вещи. Якобы кто-то приходит к ней по ночам, пьет, ест, моется в ванной, при этом имеет свои ключи не только от квартиры, но и от подъезда, сарая и даже от старинного секретера с документами.

– А в чем это выражалось фактически? – поинтересовалась Яна.

– По ее словам, вставая утром, бабушка обнаруживала на кухне невымытые чашки, остатки торта, например, хотя сама она сладкого не ест и даже не покупает. Или, например, ванна оказывалась налитой до краев, причем мыльной, а главное, еще *теплой* водой, иногда ей якобы гости даже стирали белье и развешивали на веревке...

– Скажите, а она показывала вам эти следы нашествия?

– Да, конечно. Особенно меня удивил торт. Неужели она специально ходила в магазин, чтобы купить его? Зачем? А если нет, то откуда он взялся в квартире? Я-то знаю, вечером торта в квартире не было... Я сменила замок, но это совершенно не помогло. Ночевать у бабушки я не могла, от ее дома слишком далеко до института, ну а в выходные... сами понимаете, личная жизнь тоже требует времени. Я так поняла, «ночные визитеры» на жизнь бабушки не покушались, в отличие от «отравителей», помогали даже кое-чем, так что оставила все как есть. Старушка чувствовала, что я не совсем верю ей, обижалась, дулась на меня. А я совершенно не знала, как вести себя в данной ситуации. У меня до сих пор не укладывается в голове, как можно быть абсолютно нормальным человеком, разбираться в политике, финансах, советы дельные давать... ну, я не знаю... анекдоты остроумные рассказывать... и вместе с тем такое... Абсурд! Я чувствовала, что здесь что-то не так, даже записала ее к хорошему психиатру, да вот не успела... Это случилось под утро... До сих пор не могу поверить... Нелепо как-то...

– Не плачьте, теперь Анфису Егоровну уже никто никогда не обидит. Ей хорошо там, наверху. Вы в Бога верите?

– Не знаю... наверное. Боюсь только, Бог тут ни при чем. Насчет бабули человек постарался – или *люди*, если можно их так назвать.

(Яна часто вспоминала потом эту фразу, вырвавшуюся у Ольги случайно, но столь верную, что она сама бы, наверное, удивилась своей пронизательности.)

– Почему вы все-таки так уверены в этом именно сейчас, когда Анфисы Егоровны уже нет, ведь раньше же были сомнения?

– Из-за табуретки. Я как увидела ее, мне плохо стало, я все поняла, но меня никто, абсолютно никто не стал слушать! Так же как и я бабушку...

– Я вас слушаю, но, простите, тоже ничего не поняла.

– Да, конечно, извините, я волнуюсь. Я говорила, что бабуля «покончила с собой», выбросившись в окно. Для этого ей необходимо было залезть на табурет, так как окна высоко над полом, да еще ниша с подоконником очень глубокая, так что просто перевалиться через него невозможно. Так вот, залезть на табурет бабушка физически не могла, даже если бы сильно захотела. У нее был сильнейший артрит, колени распухли и практически не сгибались, в периоды обострений она ходила и то с трудом. Подумайте сами. Ну захотелось бы ей сброситься, могла выйти на балкон, что ли, но забраться на табурет ей было не под силу однозначно. К сожалению, только после трагедии я поняла, что все это может быть правдой! Боже мой, я могла спасти бабулю, но просто поленилась думать, не захотела вникнуть. Я так корю себя! Теперь единственное, что я могу сделать, – так это заставить «шутника», который, видимо, стал и убийцей, ответить за свои поступки. Хотя, конечно, это не вернет мне мою любимую старушку.

– Да, история крайне странная. Как вы думаете, кому смерть вашей бабушки может принести выгоду?

– Да никому, собственно. Честно сказать, материально выигрываю только я, да и то не так чтобы уж очень. Мне осталась квартира, но она все равно стала бы моей чуть позже, других претендентов на нее нет, а сейчас мне есть где жить. От родителей мне досталась прекрасная жилплощадь. Сбережения у бабушки тоже, безусловно, были, но не в таком количестве, чтобы получать их ценой убийства, да и на месте они все, и украшения тоже, и сервиз серебряный – все на месте. Еще остался домик в Адлере почти на побережье моря, он тоже теперь достанется мне. Много лет уже мы сдаем его отдыхающим и на эти деньги довольно неплохо живем. Если честно, то почти все деньги доставались мне, бабуле вполне хватало ее пенсии. Сначала всем распоряжалась, конечно, она, я была слишком мала, когда мы остались с ней вдвоем, родители погибли... как раз когда отдыхали в этом доме. Просто поплыли на катере и перевернулись. В тот день был сильный шторм, и выходить в море было вообще опасно, а уж далеко заплывать... Мама плавала очень плохо, отец мог бы выплыть, но, видимо, один не захотел, а вдвоем не получилось... Сначала бабушка собиралась продать дом, нам нужны были деньги, но ее кто-то надоумил сдать его. Это оказалось очень выгодно. Недавно я там даже сделала приличный ремонт. Квартиру родителей тоже оставили, жильцов, правда, не пускали, содержали две квартиры на деньги, полученные за машину, катер, еще мы продали многие мамнины украшения, вещи... В общем, жили достаточно прилично, не нуждались. После окончания школы я стала постепенно привыкать жить самостоятельно, бабушка не возражала, даже настояла на том, чтобы я сама занялась проблемами адлеровского дома и брала деньги себе. Обещала, что будет обращаться ко мне, если ей понадобятся солидные суммы, а на жизнь ей хватало и пенсии. Да, собственно, и обращаться было не надо, последнее время я вела ее хозяйство. Недавно сменили газовую плиту на новую импортную, например... ну и много еще чего, хотя это к делу не относится. Просто я не знаю, что еще рассказать...

– Наверное, хватит на сегодня, мы ведь будем часто с вами встречаться, и неизвестно еще, что в этом деле важно, а что нет. Нам сначала нужно крепко подумать, осмыслить это дело и ваш рассказ, а потом обсудим... Если вы не очень устали, ответьте еще на пару вопросов, и я

вас отпущу. Скажите, Анфиса Егоровна была общительным человеком? К ней ходили гости? Может, она сама навещала знакомых?

– Последнее время подруг у нее осталось немного, возраст давал о себе знать, проблемы со здоровьем мешали старушкам часто общаться. Из-за артрита бабуля не любила без нужды ковылять по лестницам, для прогулок ей хватало лоджии. Она у нас огромная, отапливаемая зимой, очень солнечная; бабушка устроила там что-то типа оранжереи: полно цветов, деревья в бочках, там и гуляла, ставила кресло-качалку у перил и смотрела на окрестности. Последнее время к ней, пожалуй, заходили только соседи на чашечку чая, ну и я, конечно. Гости были всего один раз на бабулино семидесятилетие, да и то моему другу пришлось привозить гостей на своей машине, а потом тем же способом развозить по домам.

– И последний вопрос, Ольга Петровна, насчет вашего друга. Это тот самый химик?

– Да, это он.

– Извините за вопрос, друг ведь понятие растяжимое. Это может быть и приятель и жених... В каких вы отношениях?

– Не думаю, что это имеет какое-то отношение к смерти бабушки, но я понимаю – вам придется общаться с ним в процессе дела, мы ведь довольно близки... Так вот, мы познакомились достаточно давно, года полтора назад, но сблизилась недавно. Я уже говорила, что он химик, так вот, когда бабушка стала подозревать, что ее травят, она грешила на заварку и попросила меня отнести ее на экспертизу. Я не совсем представляла, как и где это делается, в университете я хотела обратиться к кому-нибудь на кафедре химии, чтобы проконсультироваться по этому вопросу, там и встретила его. Мы были уже слегка знакомы, по крайней мере, я помнила, как его зовут, да и он меня узнал, сам подошел, поинтересовался, зачем мне химия понадобилась, Ну и помог с анализом. Так как после этого «отравления» не прекратились, бабуля настаивала на том, чтобы еду я покупала все в новых и новых магазинах, даже чеки проверяла, походы по магазинам стали занимать все больше времени. Слава по мере сил и тут старался помочь, поджидал после занятий, возил по магазинам на своей «мазде». Постепенно это вошло в привычку... В общем, скоро мы поженимся. Если бы не смерть бабушки, это случилось бы уже в следующем месяце, теперь свадьбу, конечно, придется отложить. Это все, что вы бы хотели узнать?

– Скажите, а Анфиса Егоровна как относилась к Славе?

Яну удивил неожиданно резкий ответ Ольги:

– Он делал для нее много хорошего, заботился, замок сменил, например, чтобы успокоить ее хоть немного, здорово помог в проведении юбилея, без него праздник вряд ли мог бы состояться. Я считаю, у нее не было поводов, чтобы относиться к нему настороженно...

– Так, значит, все-таки настороженно?

– Нет, ну что вы! Родители всегда считают детей, а особенно внуков вечными малышами. Вот и бабуля все твердила, что замуж мне еще рано, что нужно сначала окончить университет, что мы мало знакомы... Как будто это имеет какое-то значение! Наконец, ее не совсем устраивала разница в возрасте (Слава старше меня на тринадцать лет). Короче, ничего конкретного. – Яне показалось, Ольга почти оправдывалась. – Но в общем бабушка не была против наших отношений. А последнее время он стал ей даже сниться. Представляете?

– Ну хорошо, Ольга Петровна, я вижу, вы действительно подустали. На сегодня хватит. Давайте завтра созвонимся и решим, что делать дальше.

Глава 3

Нелли проснулась рано, можно сказать, она вовсе не спала этой ночью. Так много мыслей роилось у нее в голове, что о спокойствии не могло быть и речи. Лежа в постели, она вновь и вновь вспоминала все ласковые, нежные, такие милые словечки, которые говорил ей Влад при каждом удобном случае. Его уже откровенно не удовлетворяли долгие прогулки по берегу Волги, походы в рестораны и маленькие уютные кафе на набережной. Он хотел большего.

– Нелли, милая моя девочка, я не понимаю, ты что, не веришь мне? Почему ты не хочешь жить со мной, выйти за меня замуж, родить детей, наконец? Я так мечтаю об этом! Неужели я хочу слишком многого? Ты извини меня, родная, но у нас с тобой не так много времени, мы уже не молоды, зачем откладывать счастье, отодвигать его на потом? Если тебя что-то не устраивает во мне, скажи, мы разберемся в этом вместе. Ведь главное, что мы любим друг друга, все остальные проблемы можно решить. Ты же любишь меня, Нелли?

Без сомнения, она безумно любила Влада. Никогда за все сорок лет жизни Нелли не испытывала такого глубокого чувства, всепоглощающего, но и мучительного вместе с тем. Сказать по правде, такой мужчина, как Влад, мог вскружить голову любой женщине, значительно моложе и красивее Нелли.

Ее жизнь никогда не была наполнена мужским вниманием. Откровенно говоря, сильная половина человечества, казалось, совершенно не замечала существования такой прекрасной, одаренной девушки, как Нелли. С самого детства ее приводил в отчаяние длинный нос, нескладная долговязая фигура, жидковатые волосы. Мама всегда внушала девочке, что внешность не столь важна, как богатый внутренний мир, красивая душа... Мама... Милая мамочка явно кривила душой, успокаивая дочку. Для нее Нелли, без сомнения, являлась самой умной, самой красивой, самой-самой... Но в школе, во дворе девочка видела совсем другое отношение. В школе мальчишки подшучивали, а порой и откровенно смеялись. За длинный нос и долговязую фигуру ее прозвали Дуремаршей. Это прозвище доводило ее до слез, приводило в отчаяние. Но чем больше девочка нервничала, тем большее удовольствие доставляла своим обидчикам. Поход в школу постепенно стал для Нелли пыткой. Она замкнулась в себе. Единственное, что спасало ее в годы прекрасной юности, – это музыка. Девочка играла сразу на нескольких инструментах: фортепиано, скрипке и арфе. Она никак не могла решить, какой из инструментов ей нравится больше. Они были ее единственными друзьями, и отказаться хотя бы от одного из них Нелли оказалась не в силах. Музыка отнимала много времени. Школу и все с ней связанное девочка страстно ненавидела. Поэтому она еле-еле доползла до конца десятого класса, с грехом пополам сдала экзамены и навсегда распростилась с ненавистными школьными стенами.

Жизнь в консерватории существенно отличалась от всего, что девушка знала раньше. Здесь она была окружена людьми, разделявшими ее интересы, внешность в этой среде не имела значения, здесь все решал талант и творческая одержимость. Учиться в консерватории Нелли нравилось. Она с удовольствием ходила на занятия, радовалась успехам и похвалам преподавателей, которые в школе были ей абсолютно безразличны. У девушки появилось множество приятелей и приятельниц, некоторые даже стали ее друзьями. В девятнадцать лет впервые в жизни на свой день рождения она пригласила не только родственников, но и подруг, а двадцатилетний юбилей справила за дружеским, пусть небогатым, но накрытым с любовью столом в студенческом общежитии консерватории. Жизнь казалась ей прекрасной, как никогда раньше. Учеба, походы в кино, поездки на пикники захватили ее. Только вот поклонников у Нелли так и не появилось, ни одного. Но это совершенно не печалило девушку. Так много нового и прекрасного дарила ей жизнь, что желать большего просто не приходило в голову.

Практически с отличием окончив обучение, она устроилась работать в оркестре при филармонии. Жизнь шла вперед, Нелли приглашали то на одну свадьбу, то на другую – подружки и друзья обзаводились семьями. Позднее пошли приглашения на крестины детей. Нелли любила малышей, ей доставляло искреннюю радость возиться с ними, играть. Частенько подружки оставляли детишек у нее, когда хотелось сходить в кино или в гости с мужем. Девушка не возражала, ведь вечерами сидеть одной особенно тяжело. Жизнь катилась и катилась, спокойная и размеренная, не принося никаких сюрпризов. Ни приятных, ни грустных.

Единственным горем, постигшим ее за эти годы, была смерть мамы. Она не болела, просто однажды прилегла отдохнуть и больше не проснулась. Все случилось так внезапно и казалось до того нереальным, что Нелли даже не сразу осознала боль и глубину утраты. Родственники занялись похоронами, поминками и всеми необходимыми формальностями. Все эти дни девушка находилась в прострации, что-то делала, куда-то ходила по поручениям, ела, одевалась, шла за гробом... Она даже не плакала. Просто не понимала, что происходит. Ждала, когда весь этот ужас прекратится, все эти люди оставят ее в покое, закончится нервоотрепка и жизнь снова войдет в привычную колею.

Когда закончились поминки, посуда была убрана, полы вымыты, все ушли, Нелли осталась одна. Совершенно одна. Впервые она поняла это настолько отчетливо.

Глава 4

– Лично мне подозрительна гражданка Мазурова Ольга Петровна. – Скворцов довольно основательно хлопнул ладонью по столу, как бы подтверждая серьезность своего заявления.

– Да ладно, Антон. Она-то тут с какого бока? – Миша его убеждения явно не разделял. Яне тоже мнение Антона показалось весьма сомнительным.

– А с такого, дорогие мои компаньоны, что вы тут сидели да извилины напрягали, а я пошел дорожкой попроще. Короче говоря, проверил единственный факт, данный нам милейшей девушкой Ольгой Петровной, который в принципе не вызывает сомнений. А именно, пятнадцатого мая сего года гражданка Мазурова Анфиса Егоровна сдавала анализы в поликлинике номер девятнадцать нашего района на предмет обнаружения ядовитых примесей в составе ее крови. Хотите взглянуть?

– Написано, конечно, много, но, к сожалению, совсем непонятно. Рассказывай давай, что значат эти каракули?

– Я, Миша, тоже не Гиппократ, поэтому вот тебе заключение главврача, написанное на вполне русском языке и без грамматических ошибок. – Антон протянул листок, украшенный большой, почему-то красной печатью.

– Так! – Миша пробежал текст глазами. – Я не понял, Ольга же нас уверяла, что ничего особенного не нашли, а тут, извините меня, адская смесь какая-то.

Разговор этот проходил в офисе агентства «Надежда» на следующий день после посещения его милой девушкой Ольгой Петровной.

– А не замешаны тут работники больницы? Могли, например, анализ подменить или травить старушку через лекарства там, уколы всякие... – В вину Ольги Петровны Яне все равно как-то не верилось.

– Я думал об этом, но, похоже, это очень маловероятно. Анфиса Егоровна крайне редко пользовалась услугами поликлиники, лекарства покупала ей внучка в ближайшей аптеке, уколы по мере надобности делала сама. В прошлом году старушка лежала в Первой городской больнице с тяжелой формой артрита коленных суставов. Но не думаю, друзья, что следует разрабатывать персонал больницы на предмет намеренного отравления. После выписки контактов ни с кем из врачей или сестер ни Ольга, ни Анфиса Егоровна не имели. Про старушку благополучно и прочно забыли. Всю заботу о здоровье бабушки взяла на себя внучка.

– А кто приходил за результатами анализа, ты не выяснил?

– Это не представляется возможным. Готовые бланки с результатами исследований крови, а также мочи и кала складывают в коробку у входа в регистратуру, где их и может забрать каждый желающий.

– Что, вот так вот прямо стоят в коробке и никому до них дела нет? – с сомнением глянул на Скворцова Михаил.

– Абсолютно. Если на анализ направляет специалист, ну ЛОР там или невропатолог, то анализы из лаборатории забирает его медсестра, а если человек просто по собственной инициативе сдает кровь или по направлению с работы, к примеру, то анализ выдается на руки. То бишь складывается в эту самую коробочку.

– Понятно, – вздохнул Корчагин. – Таким образом, до Ольги эта бумажка могла побывать в любых руках, ее даже могли поменять на совершенно другую. Я правильно понял? – Антон не слишком охотно кивнул, видно, ему жаль было своей версии, которая на глазах рассыпалась в прах.

– Совершенно точно. На эту коробку никто не обращает внимания. Сам подумай, ну кому нужны чужие анализы?

– Короче, с этим все ясно. Теперь ты, Яна. Что удалось узнать на бытовом фронте?

– Мало. Но кое-что имеется. Практически весь вчерашний день я провела в чаепитиях со старушками из списка подруг Анфисы Егоровны, оставленного Ольгой. Результат почти нулевой. Ничего нового я не узнала. Подруги общались с ней в основном по телефону, говорили о здоровье, политике, о сериалах, немного о личных проблемах, но так вскользь, почти ничего конкретного. С соседками Анфиса Егоровна общалась тоже не слишком часто, но тут кое-что узнать удалось. Наиболее близки были старушке супруги Фирстовы из квартиры справа. Способствовало этому в основном два обстоятельства: то, что балконы их имеют общую стенку, и летом при открытых створках это позволяло мило общаться, покачиваясь в креслах-качалках, каждый на своем балконе. Ну а второе обстоятельство – это то, что Олег Евгеньевич Фирстов очень подвижный старичок, хоть и давно на пенсии, но дома ему скучно, и он с радостью помогает и жене, и соседке по хозяйству, по первой просьбе охотно бежит в магазин и все такое прочее. Принимая во внимание небольшую разницу в возрасте и общность интересов (да, я забыла сказать, что Елена Прокофьевна тоже страдает от артрита коленных суставов), общение их и даже дружба кажутся совершенно понятными. Несмотря на это, в гости друг к другу они ходили довольно редко, так как с передвижением у обеих старушек наблюдались проблемы, а летом они общались, как я уже говорила, посредством балконов. Также Олег Евгеньевич утверждает, что за продуктами или лекарствами соседка просила его сходить крайне редко, в основном он покупал для нее лампочки, которые летят в их доме чуть не каждый день, и газеты в киоске за углом. Кстати говоря, листок с результатами анализов принес именно Олег Евгеньевич, так как в тот день Ольга задерживалась в институте и могла не успеть до закрытия поликлиники, а Анфисе Егоровне хотелось узнать результат как можно скорее по понятным причинам. Фирстов говорит, что она очень расстроилась, прочитав заключение врача, хотя он не совсем понял, из-за чего, ведь анализ оказался прекрасным. А вот жена его, Елена Прокофьевна, соседке посочувствовала: «Лучше узнать, что тебя кто-то травит, чем слушать уверения в своей ненормальности». А еще она сказала: «Беда Анфисы в том, что никто не хотел прислушаться к ее словам, голова у нее была на удивление ясной, никаких признаков склероза или, как они там понаписали, маразма старческого. Всем бы такую голову! Я убеждена, что если она говорила, что ее травят, ходят к ней по ночам, то, как бы абсурдно это ни звучало, все правда. Разобраться надо было, кто так шутит, а не отмахиваться от человека. Этот самый торт я лично видела и уверена, что купить его сама она не могла. У нас в тот день у обеих от погоды обострение артрита было, а Олега купить она ничего не просила. Откуда же он взялся, скажите на милость? А еще у нас кот сдох после того, как доел суп Анфисин. Хороший, между прочим, суп, свежий и мяса много. Только у нее холодильник размораживался, побоялась, что испортится, вот и отдала Ваське, а он взял и сдох после него. Тоже, скажете, совпадение? Мы ей даже говорить не стали, чтобы не расстраивать. Олег Ольгу во дворе дождался, поговорил с ней, а она обиделась, вместо того чтобы подумать хоть немного, плакать начала, говорить, что сама суп готовила из всего свежего... Короче, никто не хотел слушать. Я, честно сказать, даже с участковым разговаривала, он меня на смех поднял, назвал мисс Марпл. Ну а после анализов этих и вовсе все поверили, что все выдумки наши и бред. Так вот погубили человека, и виноватых нет!»

– От чего умер кот, конечно, никто не потрудился выяснить, – то ли спросил, то ли подытожил Михаил. – Может, суп здесь и вовсе ни при чем?

– Может, – кивнула Яна. – Участковый, например, в этом просто уверен. Пыталась я с ним говорить. Бесполезное дело. Стенка глухая... Но это, коллеги, еще не все. Самое интересное, как всегда, напоследок. Потеряв много часов на беседы с престарелым контингентом подъезда, я нашла свидетеля, который видел человека, принесшего ночью как раз того дня (третьего июня) торт в квартиру Анфисы Егоровны Мазуровой.

– Шутишь?! – в один голос ахнули ее собеседники.

– Ничуть. Я, между прочим, честно трудилась в поте лица своего. Не останавливаясь на сведениях, полученных от четы Фирстовых, я скрупулезно опросила остальных пенсионеров подъезда, в результате чего и вышла на милейшую бабуленицу семидесяти двух лет, проживающую на первом этаже, ну и, естественно, страдающую бессонницей. Мало того, она страдает еще и нелегкой формой шизофрении, что, впрочем, совершенно безобидно для окружающих. Вкратце диагноз такой: днем бабуля ведет себя вполне пристойно, гуляет во дворе, готовит, убирается, ходит в магазин, короче, все как у людей...

– Яночка, солнышко, нельзя ли покороче, тема твоего сегодняшнего доклада не шизофрения и ее проявления, а образ жизни совершенно другой старушки...

– Продолжу, если позволите, – невозмутимо отмахнулась от придирок девушка. – Так вот днем все как у людей, а ночью милейшая Любовь Леонидовна принимает у себя ни много ни мало, а гостей с далекой звезды альфа Центавра. Причем пришельцы вполне цивилизованны – попадают в квартиру абсолютно нормальным способом, то есть через дверь. Никаких тебе форточек, скачков сквозь стены, все просто и незатейливо. Одна только проблема у жителей голубой планеты: не знают они, что такое замки. Видимо, искоренили у них преступность на фиг, вот и отпала необходимость запираяться.

– Здорово! Познавательное, аж жуть! Мне, между прочим, еще на работу надо, а я тут научной фантастикой балуюсь, – проворчал Скворцов.

– Все дело в том, Антон, что на двери подъезда Анфисы Егоровны поставлен кодовый замок с защелкой, и, когда он закрыт, гости не доходят до бабы Любы, и коротает она ночь тихо и одиноко. Поэтому, как только народ укладывается спать, старушка выходит и открывает подъезд нараспашку. Соседи в курсе подпольной жизни Любви Леонидовны. Сначала пытались бороться, вставали закрывать дверь, но упорство бабули победило, постепенно смирились, и уже несколько лет все шло как надо. И вот представьте себе, последние несколько месяцев какой-то поганец повадился опять баловаться с закрыванием дверей... Таким образом, третьего июня сидит Любовь Леонидовна у накрытого стола, ждет гостей и слышит хлопок замка. Она потихоньку приоткрыла дверь и увидела молодого мужчину, который с тортом в коробке тихо поднимался по лестнице. Дошел до двери четвертой квартиры, открыл своим ключом и вошел внутрь. Баба Люба сначала запаниковала, подумала, не ее ли гости переметнулись к соседке, но парень вовсе был не похож на ее миленьких серо-зеленых пришельцев. Подумав: «Седина в голову, а бес в ребро», старушка открыла подъезд и вернулась к себе. Пока жива была Анфиса Егоровна, Любовь Леонидовна никому не рассказывала о происшедшем, дабы не компрометировать подружку, хотя молодого человека видела еще не раз. Так вот, милые мои деточки.

– Да уж круто! Скажи, ты сама-то хоть веришь этой ненормальной? – с сомнением глянул на Яну Корчагин. – Она же кого хочешь увидеть может. Клинтон, например, или Путина.

– Это конечно, – спокойно отозвалась девушка. – Но, прошу заметить, с тортом она видела парня лишь раз, причем в ту ночь, когда он таинственным образом появился в квартире номер четыре.

– Свидетельство, безусловно, аховое, но вкуче с другими картинка начинает вырисовываться безрадостная, и все больше и больше как-то стало пахнуть убийством. Я даже в общих чертах представляю, как все было обстряпано, но вот зачем, а главное, кто этот милый парнишка, – большой жирный знак вопроса... – Антон посмотрел на часы и вздохнул. Последнее время бравый милиционер стал отъявленным домоседом. Дай ему волю, он и на работу бы не ходил, сидел бы около своих близнецов, как привязанный, пел колыбельные и менял памперсы... – Ну, Миш, а ты что узнал? Ты-то хоть не с шизами общался? Все-таки в университет ходил, к интеллигентным людям.

– Свою часть работы я выполнил не хуже вас, дорогие мои. Изучив в целом жизнь Ольги Петровны Мазуровой, я предварительно пришел к неутешительному для тебя, Антон, выводу,

что личность она светлая, с криминалом никак не завязана. – Корчагин неторопливо достал из кармана замызганный блокнот для записок и начал листать, бегло просматривая записи. – По отзывам соседей, друзей и преподавателей, честна, работяща, скромна, аккуратна, не пьет, не курит, хорошо учится, прелестно одевается, живет не то чтобы на широкую ногу, но в достатке... Если бы не Янка, прямо женился бы, и все, такие девушки сейчас редкость... Не смотри так на меня, я мысль теряю, начинаю нервничать и путаться... Так... на чем я остановился?

– На женитьбе, – нетерпеливо напомнил Антон.

– Точно. Насчет жениха все сложнее. Шульгин – личность не совсем понятная. Работает на кафедре химии всего-навсего лаборантом, два часа в день. На фоне этого утверждает, что занимается научной работой, мало в чем себе отказывает, одевается очень даже ничего, ездит на новехонькой «мазде». Возраст тридцать три года. Не много в общем-то, но для работы лаборантом вроде как перебор. Ну, это его дело. Живет, по словам Ольги, один в четырехкомнатной квартире с антикварной мебелью на главной улице города. Что еще? По женской линии стоек. Хотя, по уверениям многих студенток и сотрудниц (скажу сразу, я с ними нисколько не согласен), шансов иметь кучу подружек у него предостаточно, но он ими отчего-то пользоваться не желает. Год назад у него был трогательно-нежный роман со студенткой четвертого курса Татьяной Шишковой, но там произошла какая-то темная история, девушка спешно продала квартиру и, не доучившись каких-то полгода, покинула город, университет и жениха в придачу. Он некоторое время был безутешен, пока не встретил Ольгу...

– Что за история, не мог поточнее разузнать? – заинтересовался Скворцов.

– Не успел. Да и вряд ли это имеет отношение к Анфисе Егоровне.

– Это имеет отношение к жениху ее внучки, а это кое-что да значит.

– В деканате я достал личное дело Шишковой Татьяны. Там есть адрес проданной квартиры, также адрес родителей, ну и много другой информации. Возьми, Антон, узнай чего-нибудь по своим милицейским каналам. А еще посмотри, нет ли чего на этого красавчика химика в ваших досье. Не нравится он мне. Не пойму почему, но не нравится жутко.

– Всегда настораживает то, что непонятно, – пожал плечами Скворцов. – А о нем у нас сведений пока ноль. Чем живет? На что живет? Почему не работает по-людски? Но ты, Миш, не волнуйся, все выясним, будет как стеклышко. Ладно, ребята, я побежал, опаздываю. Свое задание я понял: узнать побольше о химике и покопаться в прошлогодней истории студентки Шишковой. Пока, не скучайте, если что, звоните.

Антон испарился со скоростью близкой к скорости света.

– Ну что, и мы, что ли, пойдем, а, Ян? Есть охота, поедем домой, пообедаем, отдохнем... – Мишка хитро посмотрел на девушку, каким-то таким взглядом, который совсем не настраивал на серьезную работу.

– Знаешь что, дорогой, рабочий день только начался, и отдыхать повода я не вижу совершенно...

– Это не важно. Я вижу за тебя, – начал горячо убеждать ее Миша. – Домой приедем, я и тебе расскажу, покажу даже, и ты все увидишь, честное слово, я обещаю...

– Нет, ведь, главное, не стыдно человеку, – пряча улыбку, покачала головой Яна.

– Вот и я говорю, ужас, – покаянно опустил голову Корчагин. – Прямо не знаю, что и делать. Слушай, давай в офис тоже кровать купим, может, полегче мне как-то станет, как считаешь?

– Тогда труднее станет мне, – сурово оборвала Яна. – Ровно в два раза. Ладно, шутки в сторону. Не мешало бы пригласить к нам на беседу Ольгу еще разок и химика-ботаника тоже.

– А что ты хочешь у него узнать? – поинтересовался Миша.

– Ума не приложу. – Яна действительно еще не определилась, как строить разговор с господином Шульгиным. – Нелепая какая-то история. Кому старушка помешала? Она и так

померла бы, не сегодня, так завтра. Из подозреваемых только внучка и ее жених. Что тоже смотрится абсурдным, так как мотивов мы пока не видим. Если убила внучка, странно, что она не успокоилась после того, как милиция закрыла дело. Жених тоже в пролете: из-за смерти бабули свадьбу придется отложить, а выиграть что-либо от смерти старушки он может, только если станет ей родственником, так что свадьба ему бы нужна, по идее...

– А может, нет... он же понимает: если что – его будут подозревать, а сейчас он вроде как не при делах. Вдруг неожиданно всплывет чего-то, о чем даже Ольга не догадывается: наследство какое-нибудь или план, где клад зарыт... – Корчагин в задумчивости потер лоб. – Ты права, вызывай Ольгу и давай просей через мелкое ситечко всю их близкую и дальнюю родню, героическое прошлое бабульки, а также ее усопшего мужа, дочери и зятя...

– Вот сам этим и займись. Не обижайся, пожалуйста, но как-то мне второй день неспокойно после разговора с Мариной. Что-то у нее случилось совсем нехорошее, как будто подменили человека. Поеду я к ней съезжу, ладно? Вдруг помощь нужна. А ты уж тут сам без меня как-нибудь. А вернусь – сходим в ресторанчик, поедим.

– Ладно, не подлизывайся, иди уж спасай это чудо в перьях, – добродушно отозвался Михаил, – а то правда ночью не уснешь и мне не дашь. Хотя, с другой стороны...

– Молчи, маньяк! А то вообще ночевать к себе уеду, вот уж ты выспишься!

Хлопнув дверью, не дослушав, что еще придумает любимый, Яна направилась к машине. Михаил прав: спать спокойно, когда подруга решила поломать всю свою жизнь, девушка точно бы не смогла. Да и сам он, хоть и старается этого не показывать, не может равнодушно относиться к Марининым неприятностям. Не чужие все-таки люди...

Глава 5

Яна ехала по городу и с грустью смотрела на мелькающие за окошком слегка позолоченные желтым деревья. Почему-то всегда в конце августа ее охватывала безотчетная жалость по уходящему теплу и солнышку. И хотя впереди предполагалось еще и бабье лето, и золотая осень с листопадом, для Яны как будто что-то оставалось здесь, в августе. С первыми днями сентября уходит еще один год ее жизни, и его безумно жаль... Яна жутко не любила зиму, ворох одежды, который все равно не спасает от холода и ледяного ветра, голые деревья, унылые краски. Наверное, чувство это, впрочем, как и все остальные, пришло к ней из детства. Яна страшно не любила учиться, вставать рано, в полудреме брести в школу, сидеть там на неудобном стуле по шесть часов подряд, тупо уставившись на доску с непонятными формулами. Яркая, веселая, беззаботная жизнь улыбалась девочке только в каникулы, конец августа означал начало трудовых будней. Отсюда и грусть, наверное...

Уютный камин в Мишиной спальне немного примирил Яну с холодной зимой. Она так долго до встречи с Корчагиным оставалась одна, что теперь старалась как можно чаще находиться в объятиях любимого и дорогого человека. Конечно, можно подумать, мол, кокетство все это, всего-то пару лет прожила в разводе, но сейчас, когда рядом с ней появился действительно настоящий мужчина, внимательный, заботливый, сильный, Яна особенно ясно поняла, какой несчастной и одинокой была практически все то время, пока считалась женой Игоря Михайлова. Она не чувствовала от него и сотой части той любви и нежности, которую сейчас постоянно, ежечасно и ежесекундно дарил Миша. Порой Яна даже боялась свалившегося на нее так внезапно счастья. Вернее, не самого счастья... Девушка просто никак не могла поверить до конца, что все это правда и все это надолго. Она старалась строить отношения легко, не отягощать их излишними заботами, волнениями, эмоциями, чтобы не увлечься так, что разорвать и расстаться будет смертельно больно. Миша же с момента их первой близости в мерцающих отблесках каминного огня, похоже, находится в состоянии постоянной эйфории, приносит подарки, заваливает дом цветами, а свою любимую комплиментами. Он готов кричать о своих чувствах на каждом перекрестке города. Миша прощает любимой все капризы и причуды. Они не поругались за эти месяцы ни разу. Корчагин поднял Яну в своих глазах на такую высоту, что даже не ревнует. В его представлении такая цельная и чистая натура, как Янина, просто не способна на ложь и предательство... Единственное, что выводит его из себя и злит, – так это упорное нежелание любимой переехать жить в его дом. Ему недостаточно того, что Яна и так девяносто процентов времени проводит в его особняке, что и ванная комната, и шкафы, и тумбочки забиты ее вещами. Он желает, чтобы девушка официально поменяла место жительства, сообщила об этом родителям, друзьям, бывшему мужу и всем-всем-всем... Для полного счастья неплохо бы вообще продать ее теперешнюю жилплощадь, чтобы даже мысли о возвращении не могло возникнуть в Яниной голове... На это она пойти никак не могла все по той же причине: страх. Страх потерять только что обретенную с таким трудом свободу и независимость, страх разочарования. При всей любви, уважении и даже обожании, Яна еще слишком плохо знала Михаила, чтобы связывать с ним свое будущее крепкими, неразрывными узами. Нельзя просто отмахнуться и от того, что всего несколько месяцев назад он был любовником ее лучшей подруги Марины. Яну в жар бросает каждый раз, как она представляет, что и ей Миша, возможно, говорил те же слова, давал те же обещания, шептал на ушко страстные признания... Нет уж, теперь Яну сложно заставить купиться на сладкие речи, пусть даже красивые и очень заманчивые... Пусть все идет как идет. Девушка с удовольствием проводит в спальне с камином ночи и вечера, вместе с Мишей они очень любят наблюдать за загадочным танцем ярких мерцающих языков огня. Ей нравятся ласки, которыми щедро осыпает жених, Яна гордится им и ни в коем случае не хочет потерять... Но уж если так случится, удерживать

не станет... Нет... Вот для этого она и стремится всеми силами сохранить остатки независимости, хотя с каждым днем это становится все труднее и труднее...

Размышляя таким образом, Яна добралась до Марининого подъезда. К великому огорчению, подругу дома она не застала. Безрезультатно нажав раз десять на розовую кнопку звонка, Яна для верности пару раз стукнула по двери коленом (пнуть белоснежную обивку грязной обувью рука, вернее, нога не поднимется) и вынуждена была вернуться на улицу. Вездесущие старушки на лавочке у подъезда охотно проинформировали, что Марина еще вчера, видимо сразу после разговора с Яной, с двумя чемоданами отбыла в неизвестном направлении. «Между прочим, – ядовито поджала губки баба Клава, Маринина соседка сверху, – с новым хахалем. И главное, не стыдно шалаве, одного дня до приезда мужа не дотерпела. Такая шелковая последнее время была, а тут нате вам – поскакала задравши хвост, аки драная коза».

«Мужик-то ейный нынче приехал, так бегал-бегал тут, сердешный, выпрашивал: куда-то его пришмондовка улетучилась, – с удовольствием добавила шаровидная баба Нюра из соседнего подъезда, – так мы ему все как есть обсказали. Он, веришь ли, нас обматерил и тоже поскакал отседа...»

За что не любили старушки Марину, понять не составляет труда, а вот насчет Олега – вопрос трудный. Мужик он во всех отношениях положительный, пьет мало, не курит, денег много зарабатывает, особенно по меркам околоподъездного общества.

У Мариши на этот счет сугубо свое мнение. Она убеждена, что чувство ненависти в старухах зреет из чувства зависти.

«Ты думаешь, Ян, они такие уж старые, эти тетки на скамейке? Вовсе нет. Такими их сделали не года, а алкоголик-муж, лень, безденежье, нежелание следить за собой. Жизнь свою они сами безвременно превратили в дерьмо. Некоторые из них еще даже и не на пенсии, ей-богу. У половины сплетниц дочки замужем за такими же алкашами, как папаша, у других и вовсе в разводе. А тут мы – я красавица, что уж скрывать, Олежка по всем статьям мужик завидный. Вот и не могут простить, что не их дочки дебелие его к рукам прибрали, а я, недостойная. И его заодно недолюбливают по той же причине».

«Слушай, неужто все старики такие ядовитые? Мы тоже озлобимся, когда постареем?»
Такая безрадостная картина вгоняла Яну в дрожь.

«Не майся дурью, крошка, куда нам до них, была забота в чужие дела-то лезть, со своими бы распахтаться. Я лично лет на тридцать – сорок ближайшие на лавке сплетничать не планирую. А потом, все не так уж страшно. Есть же и приличные пенсионеры, только они у подъезда не ошиваются, куда попало нос не суют, работают или внуков воспитывают. Так что не дрейфь, прорвемся!»

Задорное Маринкино лицо с хитрой улыбкой, с которой она рассуждала о старости, мелькнуло у Яны перед глазами, но тотчас же превратилось в печальное и понурое, то, которое она видела вчера. Видимо, в Марининой жизни действительно произошло что-то серьезное и трагичное, раз она решилась пойти на то, чтобы расстаться с Олегом. В их совместной жизни было так много крутых виражей, споров, ссор, откровенных скандалов, что им просто потерял счет. Добиться от Марины причины очередной размолвки было иногда невозможно. Скорее всего, она и сама до конца ее не понимала. Но Яна всегда на сто, даже сто пятьдесят процентов была уверена в том, что подруга приложит максимум сил и коварства, чтобы добиться примирения и извинений со стороны в большинстве случаев совершенно невиновного мужа. Извлечь из этого для себя выгоду и еще больше укрепит свой и без того достаточно стабильный брак. О разводе из уст подруги Янина до вчерашнего дня не слышала ни разу. Марина даже думать об этом запрещала, сглаза боялась. Яна часто размышляла над этим феноменом. В ее голове просто не укладывается, как можно так искренне и самозабвенно любить мужа, при этом изменяя ему направо и налево. Желание иметь как можно больше поклонников последнее время приобрело у Марины чуть ли не болезненный характер. Она не пропускает ни одного

мало-мальски приличного мужика... Вернее, не пропускала... Что же случилось с неугомонной вертихвосткой, пока она была вдали от мужа и лучшей подруги?

«Не прощу себе, если с ней стряется что-то плохое, – подумала Яна. – Нужно как можно быстрее поговорить с Олегом, хотя я сильно сомневаюсь, что он имеет к этому непосредственное отношение».

Брак Марины и Олега существует уже более восьми лет. Орлов человек довольно состоятельный. Марина не утруждает себя работой, ездит на хорошей иномарке. Носить дешевые рыночные шмотки считает унижением и отсутствием вкуса. Но сказать, что она держится за мужа только из-за денег, Яна не могла бы, так как прекрасно помнила времена, когда они не позволяли себе даже поехать отдохнуть куда-то дальше деревни Зуйково, где у Олега и по сей день проживает бабушка. Да что там отдых, они жили два года в десятиметровой общежитской комнатухе, но и тогда Марина мужа любила ничуть не меньше. Вообще, в их семейной жизни все складывалось довольно хорошо, пусть не безоблачно, но благополучно. Олег достаточно быстро смог заработать приличную жилплощадь, не бог весть что, конечно, но после общаги квартирка показалась Марине дворцом. Потом Орловы переехали в настоящие апартаменты, где и проживают до сих пор. Карьера Олега с каждым годом складывается все удачней, сейчас он занимает высокий и престижный пост в солидном финансовом учреждении... Однажды только на семью свалилось несчастье... Да что там несчастье... Беда настоящая... Когда Маринка ждала ребенка, первенца (месяцев пять уже было, даже ближе к шести), на нее напала шайка каких-то отморозков, затащили в ближайший подвал... короче говоря, потеряла она малыша. И это бы еще полбеды, но во время операции открылись новые неутешительные обстоятельства: от побоев в организме девушки что-то нарушилось, началось воспаление, и детей теперь Марина не сможет иметь никогда. Самое страшное, что винит в случившемся она почему-то исключительно себя. Мол, не потащила бы вечером одна в эту чертову подворотню, так ничего бы и не случилось... Никакие увещания Олега, Яны, родителей влияния на нее не оказывают. Она вообще с неохотой вспоминает события тех нелегких дней, а если уж идет на разговор, то становится хмурой и замкнутой. Муж пару раз отправлял ее на прием к знаменитым и жутко дорогим психоаналитикам, но Марина возвращалась оттуда еще более раздраженной и несчастной. В конце концов близкие пришли к негласному соглашению забыть и похоронить эту историю на задворках памяти... Они-то смогли, а вот Марина, похоже, до сих пор не может успокоиться. Отсюда, наверное, и ее болезненное отношение к сильному полу вообще и к мужскому вниманию в частности. Яне казалось, подруга хочет доказать себе и окружающим, что интересна всем и каждому сама по себе, безотносительно к тому, может ли она иметь детей или нет, что предназначение женщины не только в этом... А может, и не так... в конце концов, Яна не имеет достаточной подготовки, чтобы рассуждать о таких тонких и запутанных вещах, как человеческие эмоции. Просто ей так кажется.

От мыслей и воспоминаний о подруге на душе Яны стало еще муторней. Через десять минут она отъезжала от дома Марины, нагруженная сведениями по самые уши. К сожалению, ничего полезного из бормотания околоподъездных сплетниц выудить не удалось. Марки машины они не знают, номер не запомнили, парня описали расплывчато: лет около тридцати, с виду вполне приличный, приехал, зашел в подъезд, через двадцать минут вышел с чемоданами, за ним плелась Марина. Именно плелась, даже старухи отметили такое несвойственное для подруги состояние. Это настораживало более всего остального.

По большому счету ничего особенного во всех этих событиях не было. Уехать с чемоданами Марина могла куда угодно, хоть на пикник, хоть в гости, хоть в турпоездку, в помощниках недостатка девушка тоже никогда не испытывала; что на следующий день приедет Олег, она, кажется, не знала... Но направляться куда-то в обществе шикарного молодого парня на «новой, блестящей» (по уверениям соседок) машине и иметь при этом такой пришибленный вид – это, по мнению Яны, выглядело очень подозрительно. Мелькнувшая было в мозгу мысль, что

все вчерашние переживания подруги были связаны с любовными метаниями Марины между мужем и новым молодым человеком, быстренько испарились, уступив место еще большему волнению. Яна уехала, оставив в дверях квартиры записку с просьбой к Олегу или Марине связаться с ней, как только вернется. Больше сделать в данной ситуации девушка не могла ничего.

Глава 6

Выходя из машины около офиса, Яна буквально столкнулась с Антоном. Его возбужденный вид говорил о том, что ему есть чем поделиться с компаньонами по нелегкому сыщицкому ремеслу.

– Ян, ты откуда? – спросил он.

– Сам-то чего вернулся? Вроде бы только недавно убежал. Светишься, как медный чайник.

– Мне Мишка прийти велел. У него сейчас эта заказчица как раз. А у меня для нее шикарные новости. Боюсь, правда, не совсем то, что ей хотелось бы услышать, но не я это придумал. – В голосе Скворцова звучало явное торжество и удовлетворение хорошо проделанной работой.

– Слушай, Антош, прямо заинтриговал. Колись, чего нарыл, – всерьез заинтересовалась девушка.

– Некогда. Пошли, меня «босс» ждет с нетерпением.

Войдя в офис, они застали Ольгу и Мишу мирно беседующими за чашечкой кофе.

– А вот и вы! Мы вас с Ольгой Петровной уже заждались. Проходите, рассказывайте, что узнали по интересующим нас вопросам?

Антон смущенно посмотрел на клиентку, кашлянул и нерешительно начал:

– Мне поручили проверить кое-что в биографии вашего жениха... Ну, не знаю, чего там Михаил хотел найти, но то, что обнаружил я, мне, честно сказать, не понравилось.

– Я просила вас не копаться в грязном белье Славы, его у каждого из нас предостаточно, а расследовать обстоятельства смерти моей бабушки. – В голосе клиентки звучало явное недовольство и раздражение. – Насчет жениха же моего позвольте мне самой решать, хорош он в качестве будущего мужа или нет... Вряд ли какие-то, пусть и не самые прекрасные поступки Славика в прошлом могут повлиять на наше решение. – В гневе гражданка Мазурова выглядела очаровательно.

– Решение – это уже полдела, что, безусловно, немало, – покладисто согласился Антон. – Осталось только развестись.

Яна с Мишей глянули на коллегу с изумлением.

– Вы бредите, что ли? Извините, Антон Евгеньевич, но, чтобы развестись, нужно сначала оформить брак, а мы пока еще свободны. И потом, я не понимаю... – Ольга смотрела на Скворцова как на буйнопомешанного.

– Вы свободны, я проверил по картотеке загсов, – согласно кивнул Антон, – а вот ваш «жених», извиняюсь, не совсем. Год назад он женился, причем, хочу заметить, уже во второй раз. Проживает на жилплощади своей жены и о разводе, по крайней мере на официальном уровне, и не помышляет.

Не только Ольга, но и Яна с Мишей буквально опешили от такого поворота событий. Выходит, Антон прав и Славику действительно выгодно то, что предполагаемая свадьба отодвинулась на неопределенное время.

– Я думаю, вы ошиблись. Надо знать Славу, чтобы понять – он не способен на такую циничную ложь. Советую проверить еще раз, обратите внимание на то, что имя и фамилия эти довольно распространенные... – Внешне Ольга держалась молодцом, слегка побледнела, но в целом была относительно спокойна.

– Мне жаль, но сведения точные. Я лично видел документы паспортного стола с фотографией, пропиской и штампом о браке. Вот ксерокопию снял, посмотрите, похож? – Антон протянул девушке сложенный вдвое листок. – Со дня его последней свадьбы не прошло еще и года. Предыдущий брак длился шесть лет. У него даже ребенок есть от первой жены. Мальчик четырех лет. Вот я выписал все данные: фамилии, адреса... Куда вы, Ольга Петровна?

– Это ошибка, недоразумение! И даже если правда, я хочу услышать это от Славика. Я верю – всему этому есть вполне разумное объяснение. – Сдерживая слезы и даже не глянув на документы, предложенные ей Антоном, девушка поспешно покинула офис сыскного агентства.

* * *

– Да уж, дела! – присвистнул Михаил, когда за клиенткой захлопнулась дверь. – Говорил я: не нравится мне этот красавчик, хоть режь. Ну что же, ребята, копаем Славика всерьез, и начать предлагаю с Татьяны Шишковой. Год назад наш Казанова женился, а девочке пришлось спешно уехать из города. – Глаза Корчагина загорелись азартом, похоже, в его голове уже начали выстраиваться всевозможные версии аморального поведения совершенно несимпатичного ему гражданина Шульгина.

– Может, расстроилась, что он бросил ее, или залетела... – задумчиво протянул Антон.

– Все это не повод бросать институт, продавать квартиру. Скорее наоборот, в таком состоянии вряд ли кто на всех парах понесется в отчий дом, рубя все концы, – резонно возразил Миша. – Нет, тут что-то другое. Покруче.

– Я согласна. Антон, у тебя есть адрес родителей Шишковой?

– Да. Они тут недалеко в пригороде живут. Так, полудеревня-полурайцентр. Я думаю, Мише стоит съездить потолковать с девушкой.

– Вряд ли она захочет открыть душу такому «тонкому и чуткому» парнишке, как наш Михаил, – с сомнением покачала головой Яна. – Поеду я, надеюсь, мне скорее удастся найти подход к ранимой девичьей душе.

– Ну, давай тогда прямо в путь, – нехотя согласился Корчагин. – До вечера обернешься. Антон, возвращайся и продолжай работать с этим Владиславом Львовичем, будь он неладен. Женами поинтересуйся, родителями, ну, не мне тебя учить. А я, пожалуй, опять в университет. Попробую встретиться с героем-любовником, сегодня вечером по графику его очередь мыть пробирки. Но сначала я требую полноценного обеда, без подкормки я плодоносить отказываюсь.

Через пятнадцать минут они втроем сидели за столиком в маленьком уютном кафе с изумительной русской кухней.

Глава 7

Городок, где жили родители Татьяны Сергеевны Шишковой, встретил Яну не слишком ласково. Начать с того, что на подъезде к первым домам населенного пункта ее поджидала западня в виде открытого канализационного колодца, замаскированного огромной, необъезжаемой ни с какой стороны лужей. Притормозив немного перед неожиданным препятствием, Яна, как ей показалось, здраво рассудила: ехать надо ближе к центру. Наверняка машины, объезжая лужу, стремятся держаться ближе к берегу, и дорога особенно сильно разбита как раз в тех местах. Размышляя таким образом, девушка смело внедрилась в самый центр «озера», и вот результат – наглухо засела в канализационном люке. Открыв дверцу машины, ей захотелось плакать: грязная жижа достигала порогов. Окинув взглядом дорожные кроссовки, изготовленные в Германии совсем не для плавания в жутком болоте, Яна загрустила еще больше.

– Не надоть было посередке-то ехать, милая барышня. Держались бы краешку, потихонечку, глядишь, и перебрались бы на ту сторону, – вывел ее из транса скрипучий стариковский голосок. Принадлежал он небольшому дедку, мирно сидящему на лавочке у входа в убогий домишко метрах в двадцати.

– А нельзя было сказать об этом чуточку пораньше, пока я не завязла здесь по самые уши? – не на шутку обозлилась девушка.

– Так ты ведь, милая, не спрашивала. – Дед спокойно продолжал курить сигару, издавая похожую на самокрутку.

– Послушайте, дедушка, вы в этом доме живете? – решила сменить тактику Яна. – Не могли бы вы вынести мне какие-нибудь сапоги резиновые? А то я прямо и не знаю, как до сухой земли добраться.

– Знаешь, дочка, сколько здесь таких, как ты, ухарей за день застревает? Человек пять. Ты вот и посуди сама, напасешься на всех сапог? То-то и оно, что нет. Живем, сама видишь, не больно богато, где денег-то взять на лишнюю обувь?

– Так я же верну, мне на две минуты только.

Дед сурово молчал. Представив, в каком незабываемом виде придется предстать перед родными незнакомой пока Татьяны Шишковой из-за этого нелепого приключения, Яна впала в отчаяние.

– Что же делать? – начала постепенно закипать она.

– Хочешь, купи сапоги, – подивился женской несообразительности советчик.

– Да как же я отсюда вылезу?! – Девушка и сама не заметила, как перешла почти на крик.

– Ладно, давай деньги, – смиловился старикашка. – Заверни во что-нибудь тяжелое и кидай сюда. Добросишь, небось недалеко тут.

– Сколько? – Яна поняла, что придется смириться с неизбежностью, и практически успокоилась.

– Да рубликов триста, я думаю, сапоги стоят, а? – Глаза мужика алчно заблестели.

– Дороговато, конечно, но делать нечего. – Взяв спичечный коробок, Яна высыпала из него спички, сунула на их место три сотенные бумажки и бросила дедку на берег. Дед, кряхтя, поднял его и неторопливо поковылял к своему кособокому домику. До девушки наконец дошло, зачем этот убогий мужичишка сидит на лавке посреди грязной улицы. Хитрый крестьянин придумал ловкий способ получать деньги, не работая. По меркам небольшого уездного городишки, где зарплату не получают по несколько месяцев, триста рублей совсем неплохие деньги. А если учесть, что лужа эта, судя по всему, оказалась ловушкой не для одной Яны, то ловкости дедка можно даже позавидовать.

– На вот, свою-то обуйку не сымай, целиком вместе с кедами внутрь влезешь. Давай побыстрому, неколи мне, старуха с обедом ждет. – Старик, обутый в огромные резиновые сапоги, подошел почти вплотную к машине и протянул девушке точно такие же бахилы, как на нем.

Нога пролетела в огромные разношенные сапоги без задержки. Наконец-то, прихватив с собой все нужное и заперев машину, Яна оказалась на твердой земле. Тут перед ней встало сразу две насущные проблемы: куда девать эти страшные громадные бахилы и что теперь делать с машиной. Первый вопрос с легкостью разрешил дед:

– Ну что, не нужны пока больше сапожки-то, дочка? Давай возьму, пусть полежат у меня до времени. Ты их в руках таскать, что ли, станешь? – Подхватив сапоги, он скоренько поковылял обратно к дому.

С облегчением девушка поняла, что уродливой обувки, купленной за триста рублей, она больше не увидит никогда. Вторая проблема казалась более сложной. Оставить машину и добраться до улицы Космонавтов пешком Яна, конечно, сможет без труда. Но как ехать обратно? Не бросать же автомобиль в этой забытой богом дыре. Утешает одно: угнать машину или разграбить внутренности представляется почти невозможным, их надежно охраняет достигающая практически колена грязная вязкая жижа.

– Ну, чего не уходишь, зимовать, что ли, здесь собралась? – Корыстный дед опять занял наблюдательный пункт на лавочке. – Иди себе, покараую я твоё добро, не бойсь.

– Ну а дальше как, не зимовать же тут, действительно?

– Да, проблема. Погодь здесь, я счас. – На своих кривеньких ножках мужичок опять посеменил, только уже к соседнему дому.

Минут через пять он вернулся в сопровождении огромного детины в рабочем комбинезоне.

– Вот, Гришенька, гляди-кась, какая оказия у дамочки приключилась, – заискивающе заглянул к парню в глаза дедок.

– Опять твои штучки, Акинфий? Надоел ты мне хуже горькой редьки. Сидишь тут, как прыщ. Нет бы предупредить, так он нарочно табличку со знаком «объезд» выдергивает, паразит. Шел бы ты отсюда, пока не накостылял. – Парень хмуро поглядел на мздоимца.

– Да я уж и так, Гришенька, тороплюсь, старуха к обеду ждет... Побегу, я ведь только выбежал тебя на помощь позвать, жалко уж больно бабенку.

– Знаем твою жалость, жлоб, – буркнул Григорий вслед стремительно удаляющемуся мужичку. – Пока тут ваша машина торчит, никто больше не въедет в колодец, вот и суетится хмырь, чтобы быстрее освободилась ловушка.

– А закрыть люк, например, нельзя? – поинтересовалась Яна.

– Отчего нельзя? Можно. Сто раз делали. Только гад этот сразу же в ночь крышку утаскивает и опять поутру сидит как ни в чем не бывало у дороги. – Гриша презрительно сплюнул в сторону убогого домишки. – Ладно, машину я вытащу, – перешел он к делу. – Только трактор надо, так не осилю. Оставьте ключи, не бойтесь, ничего с вашим авто не будет, Гриша честный человек, хоть кого спросите. А сами идите по своим делам. Если не секрет, вы чего к нам приехали? В гости или как?

– Да считай, что в гости. Улица Космонавтов где тут у вас?

– Так это вот и есть улица Космонавтов, – пожал плечами парень.

Открытие это поразило Яну безмерно. Почему-то улица с таким современным названием никак не ассоциировалась у нее с подобным допотопным убожеством. Здесь отсутствовали не только фонари, но не наблюдалось даже банальных тротуаров вдоль домов. Прикинув, что представляет собой улица Космонавтов слякотной осенью и, хуже того, зимой, Яна искренне пожалела несчастных местных жителей. Пожалуй, она не зря приехала в эту глушь. Вряд ли Татьяна без веской причины согласилась бы поменять прекрасную городскую квартиру в ста-

ринном особняке, доставшуюся в наследство от богатой тетки, на облезлую лачугу и эту убогую улочку.

– Вам какой дом нужен? – проявил участие Гриша.

– Двенадцатый.

– Это на том конце улицы. – Парень заинтересованно посмотрел на собеседницу. – Танюшка там живет, Шишкова, к ней, что ли, или к матери?

– К Татьяне. А ты хорошо ее знаешь?

– А то. Жениться даже хотел. Вот как хорошо. – Он вызывающе глянул Яне прямо в глаза.

– А сейчас что, уже не хочешь?

– Так она, как из города вернулась, шизанутая какая-то стала. Трясется, чуть что. Пошутить с ней, а она прямо бешеная становится, то плачет, то убегает. Вообще, она девка, конечно, ничего, видная такая. Может, отойдет от городских потрясений, там поглядим насчет женитьбы... Ладно, вы тогда к ним идите, а то она вечером на работу уйдет, а я пригоню машину к Танькиному дому, как выгашу. Идет?

– Конечно! А где она работает, не подскажешь?

– Уборщицей, в Доме культуры. Аж на трех ставках. Всю ночь полы скоблит, а днем из дома носа не показывает. Я же говорю – шиза. На сколько ее приличных работ звали, не упомяну даже, а она в полумойки подалась с образованием-то. Главное, зарплата копеечная, приходится аж на трех участках горбатиться, чтобы прожить как-то... Ну, я пошел за трактором. С вами не прощаюсь, увидимся скоро. – Неспешным шагом он удалился в том направлении, откуда только что приехала Яна, оставив девушку в еще более глубоком недоумении.

Слава богу, дом Шишковых оказался не настолько убогим, как большинство строений на этой улице. Вполне добротная изба с веселыми, недавно покрашенными наличниками, ровный забор, резная калитка, в палисаднике гладиолусы, астры. По чистенькой дорожке, выложенной плитками, Яна прошла через калитку к крыльцу и позвонила. Ей долго не открывали, но все-таки дверь распахнулась – на пороге стояла худенькая бледная девушка лет двадцати – двадцати двух.

– Вам кого? Мамы нет дома, она через час где-то будет. Хотите подождать?

– Татьяна, я к вам приехала. Можно с вами поговорить?

– Оттуда? – И без того бледное лицо девушки стало почти серым.

– Не поняла, – от такой реакции Яна немного опешила, – я из города приехала, чтобы поговорить с вами о том, что случилось год назад. Можно войти?

Практически в обморочном состоянии Татьяна прошла в глубь коридора, затем в комнату, Яна за ней. Добравшись до дивана, хозяйка почти рухнула на него. Гостья аккуратно устроилась в кресле, озадаченно размышляя, как вести себя, с чего начать разговор. Пока Яна подыскивала нужные слова, Татьяна вдруг заговорила сама. Она выпрямилась, на щеках появился лихорадочный румянец, голос звучал нервно и даже отчаянно.

– Я знала, знала, что вы придете, разве можно спрятаться от суда Божьего? Я говорила ему: от людей можно, да, а от Бога куда же убежишь? Хорошо, что все наконец кончилось, я сама давно хотела покаяться, мне и батюшка в церкви твердит об этом, но не было сил, не могла я подвести хорошего человека. Но он поймет, простит, он добрый. Вы прямо сейчас заберете меня или можно маму дождаться? Проститься хочу, вдруг не увидимся больше.

По дрожащим рукам, капелькам пота на лбу девушки, по горящим мрачным светом зрачкам безумных глаз Яна поняла, что Татьяна на грани срыва, и постаралась как-то разрядить ситуацию:

– Конечнождемся. Вы знаете, я так долго была в пути, да еще застряла тут у вас в конце улицы. Если не трудно, не угостите чашечкой чаю, а лучше кофе, если есть...

– Есть. Сейчас сварю. – Девушка резко встала и пошла к двери кухни, по дороге остановилась, прислонилась к стене и горько-горько заплакала.

Кофе в результате гостье пришлось варить самостоятельно. Силком напоив Таню крепким напитком, успокоив ее в меру сил, Яна наконец услышала то, ради чего приехала, то, что так волнует Татьяну Шишкову вот уже целый год, доводит до безумия, лишает желания жить.

Глава 8

Родилась Татьяна Сергеевна Шишкова в деревне с «поэтическим» названием Гусихино. Детство ее, в общем, не отличалось ничем существенным от жизни других крестьянских детей того времени: лепила кулички в песочнице у дома, ходила в ясли, садик, когда пришло время, под торжественную музыку с букетом гладиолусов, нарезанных мамой прямо в палисаднике, с трепетом пошла в первый класс. Семья Шишковых среди местных жителей считалась интеллигентной: отец – агроном, мать – ветеринар. Материально жили неплохо, у девочки всегда были игрушки, книги, неплохая одежда.

В девяностых годах жизнь в деревне незаметно стала меняться. Из-за отсутствия финансирования закрылась мясо-молочная фабрика, на которой работала Таисия Шишкова. Совсем разладились дела у местной МТС – половина тракторов и комбайнов просто не могла выйти в поле по причине отсутствия исправных запчастей, вторая половина, кое-как доведенная за зиму до ума старательными руками трактористов, угрожающе скрипела, намекая тем самым, что и она в любой момент может превратиться в балласт. И без того мизерную зарплату не платили по полгода, а затем выдавали молоком, зерном, мылом, досками... Нищета подступила вплотную к домам крестьян. Постепенно она начала сквозить из всех щелей сельского быта. Закрытие фабрики сыграло огромную роль в экономическом положении местных жителей. Все мало-мальски работоспособные мужчины подались в город на заработки, дома появлялись редко, с подарками и деньгами, потратить которые здесь, в деревне, было практически не на что. Магазины стояли пустые, витрины кое-как были заполнены товаром, до этого годами пылившимся на складах, – крупы вперемежку с мышинным дерьмом, платья фасона семидесятых годов и ужасающе траурных расцветок. Из-за отсутствия денег закрылся Дом культуры, единственное место, где молодежь проводила досуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.